

П. И. ЖАВОРОНКОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА

Георгий Акрополит является одним из крупнейших историков XIII в. Его основной труд — «Хроника»¹ — служит главным источником по истории Никейской империи и имеет большую историческую ценность. Кроме того, он был ритором, теологом и поэтом. Известен и как государственный деятель своего времени, дипломат и военачальник.

Однако ученые, изучающие этот исторический период, очень мало обращали внимания на мировоззрение Акрополита. Несомненно, это объясняется и теми трудностями, с которыми сталкивается исследователь данной темы. «Хроника» представляет собой сугубо конкретное сочинение о политических событиях византийской истории первых шести десятилетий XIII в. В ней совершенно отсутствуют рассуждения на отвлеченные темы. Авторскую позицию и взгляды часто приходится реконструировать на основе косвенных данных. Некоторым исключением являются его риторическое произведение «Надгробное слово кир Иоанну Ватацу Дуке»² и догматические сочинения против латинян³.

Впервые⁴ кратко об Акрополите написал К. Крumbaхер в своей «Истории византийской литературы»⁵. После критического издания трудов Акрополита в 1903 г. А. Гейзенбергом интерес к историку Никейской империи возрос. Среди статей и рецензий, большинство из которых посвящено внутренней критике издания⁶, отметим работы С. Лампроса⁷, К. Прехтера⁸, Н. Йорги⁹ и В. Вальденберга¹⁰, которые в той или иной степени анализируют взгляды Георгия Акрополита, опираясь в основном на его «Надгробное слово кир Иоанну Ватацу Дуке». Наступившее затем пятидесятилетнее молчание, если не считать небольших статей в библиографических справочниках и кратких разделов в обобщающих трудах, было недавно нарушено Г. Рихтером¹¹, который подробно рассмотрел церковно-политические и догматические взгляды Акрополита и его роль на Лионском соборе. Используя в основном догматические произведения «Против латинян» и «Об исхождении Святого духа» (II, 30—45, 46—66), немецкий ученый пришел к выводу, что Акрополит, вопреки общепринятому мнению, стоял скорее на латинофильских позициях, чем на антилатинских, а его взгляды на церковь и ее единство отличались своеобразием и оригиналь-

¹ *Georgii Acropolitae Opera/Rec.* A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, v. 1, p. 1—189 (= Stuttgart, 1979). Далее ссылки в тексте на номер тома, страницу и строку.

² *Georgii Acropolitae Opera.* Lipsiae, 1903, v. 2, p. 12—29.

³ *Ibid.*, p. 30—66.

⁴ Если не считать биографии Акрополита, написанной Алляцием: *Georgii Acropolitae Magni Logothetae Historia Byzantina.* P., 1651, p. 351—358.

⁵ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897, S. 88—89.

⁶ Библиографию см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. Aufl. B., 1983, v. I, S. 267—268.

⁷ Λάμπρος Σ. Ἀκροπολίτης ὄνομα Παράγνωριος. — NE, 1905, 2, с. 159.

⁸ *Praechter K.* Antikes in der Grabrede des Georgios Akropolites auf Johannes Ducas. — BZ, 1905, 14, S. 479—491.

⁹ *Jorga N.* Médaillons d'histoire littéraire byzantine: Georges Acropolite. — Byz., 1925, 2, p. 286—287.

¹⁰ *Valdenberg V.* Notes sur l'oraison funèbre de G. Acropolite. — BZ, 1929/30, 30, p. 91—95.

¹¹ *Richter G.* Das Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kirchenheit. — Byz., 1984, 44/1, S. 276—299.

ностью среди византийских геологов: единство церкви, по Акрополиту, существует, поскольку существует его основа — вера в Христа, ее главу¹².

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых аспектах мировоззрения Георгия Акрополита — в основном на его социальных и политических взглядах, а также на этических воззрениях и отношении к другим народам.

Георгий Акрополит родился в 1217 г. (I, 46.12—15)¹³ в Константинополе. Прозвание Акрополит, по-видимому, родовое в семействе, к которому он принадлежал. Родители его происходили из знатной семьи (отец пользовался расположением латинян и имел много слуг — I, 46.16—20), о чем говорит император Иоанн III Ватац (1222—1254), отдавая его в учение (I, 49.18—19) к ритору Феодору Экзаптеригу в 1234 г. (I, 49.6—10), через год после его прибытия из Константинополя в Никею. После смерти Экзаптерига он вместе с другими юношами продолжает обучение в придворной школе у знаменитого философа Никифора Влеммида (I, 50.4—6)¹⁴.

В 1246 г. Акрополит, ставший к этому времени логофетом геникона, сопровождает императора Иоанна III в болгарском походе, составляя грамоты для покорившихся крепостей и городов (I, 78.25—79.3)¹⁵.

Начиная с этого времени и до конца своих дней он находится при императорском дворе. Акрополит едет вместе с тремя знатными послами к деспоту Михаилу II для заключения брачного контракта и дружественного союза в 1249 г. (I, 91.6), включается в число судей во время процесса над Михаилом Палеологом в 1252 г. (I, 99.6—9), преподает вместе с Никифором Влеммидом наследнику императора Феодору философию и логику (I, 131.5—7).

Хотя прямых данных нет, но, видимо, после вступления на престол Феодора II Ласкаря (1254—1258) Акрополит получил звание логофета дрома, потому что он теперь принимает иностранных послов и папских легатов, ведет с ними переговоры (I, 139.25—140.2) и ратифицирует договоры. После возвращения Феодора II осенью 1256 г. из похода в Болгарию Акрополит был оставлен на Западе империи в качестве императорского наместника с титулом претора и полномочной властью над всеми военными и гражданскими чиновниками тех областей (I, 139.13—22; 142.9—15)¹⁶. Но военные действия Акрополита были неудачными, и в 1257 г. он попадает в плен к деспоту Михаилу II (I, 150.5—22), из которого был освобожден через два года войском Алексея Стратигопула¹⁷, когда Михаил Палеолог уже вместе с малолетним сыном Феодора II Иоанном IV управлял империей.

Являясь родственником императора и представителем оппозиционного крыла феодальной аристократии, которая добилась избрания императором Михаила Палеолога, Акрополит после своего освобождения полностью переходит на его сторону, хотя еще и Иоанн IV считается императором, и опять становится влиятельным лицом. Осенью 1260 г. он едет во главе посольства к болгарскому царю Константину Тиху. После отвоевания Константинополя в июле 1261 г. он пишет благодарственное слово на вступление Михаила VIII в новую столицу (I, 186—28) и речь на освобождение Константинополя, в конце которой было «приглашение императору-отцу

¹² Richter G. Op. cit., S. 291—293.

¹³ Сообщение Акрополита (I, 63—22), что во время полного солнечного затмения в 1241 г. (о нем см.: Boneff N. L'Eclipse totale de soleil du 24 novembre et l'ère moderne. — ГСУ, физ.-мат. факультет, 1948/49, 45, кн. 1, р. 93—110) ему был 21 год (εἰκοσι γὰρ οὖν ἔνι τότε ὑπῆρχον), является ошибкой. Все другие его же данные опровергают это. Ему должно было быть 24 года.

¹⁴ О педагогической деятельности Влеммида см.: Karapiperes M. Νικηφόρος Βλεμμύδης ὡς παιδαγωγὸς καὶ διδάσκαλος. Jerusalem, 1921.

¹⁵ Dölger F., Karayunopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968, T. 1. Die Kaiserurkunde, S. 64.

¹⁶ Как объясняет сам Акрополит, Феодор II сделал его претором, чтобы он забыл о том, что произошло между ними летом 1256 г. (имеется в виду опала Акрополита и избение его палкой), — I, 139.13—22.

¹⁷ Михаил II не хотел его освобождать, «как родственника императора» (I, 164.19—20).

сделать участником своей власти первородного сына Андроника Палеолога» (I, 188.20—28).

Великий логофет (этот титул Акрополит получил, по-видимому, в начале правления Михаила VIII) становится одним из первых помощников Палеолога в его церковной политике. В начале 60-х годов он учит детей духовного звания в школе, созданной Михаилом Палеологом в Константинополе¹⁸. Но и после ухода с этого поста он все еще считается «самым большим среди логофетов», по выражению Пахимера (Пах., I, 316.5—6). Он присутствует на соборе, который осудил Векка по доносу Иоанна Хумна, и полностью солидаризируется с решением собора и императора (Пах., I, 376.18—377.18). В 1274 г. Акрополит был послан с посольством к папе Григорию X в Лион на собор (Пах., I, 384.14—17), где подписал унию о восстановлении Восточной и Западной церкви¹⁹. Вскоре после этого он едет послом в Трапезунд (Пах., I, 521.11—15), а в 1282 г. в Болгарию и по возвращении умирает.

Георгий Акрополит прежде всего был историком. В первой книге «Хроники» он рисует свой идеал историка, который «должен излагать дела людские, будут ли они хороши или плохи, не по ненависти или пристрастию, не по зависти или злему расположению, а единственно для одной истории и для того, чтобы не забылись в памяти людей дела минувших дней» (I, 4.17—19). Акрополит почти единственный из всех историков, кто избегал общих мест в определении полезности истории, чему отдали дань Диодор Сицилийский и Прокопий Кесарийский, Атталиат и Пахимер²⁰. Что же касается намерения писать историю (*οὐδὲ πρὸς μίσος ἢ καὶ πρὸς εὐνοίαν*) (I, 4.19—20), то этого тацитовского выражения (*sine ira, sine odio*), ставшего общим местом, не избегал и Акрополит.

Однако сам он в изображении исторических событий и лиц не всегда соответствовал тому идеалу историка, который он обрисовал. Правдивое и точное описание царствования Феодора I и Иоанна III сменяются окрашенным в резко негативные тона рассказом о правлении Феодора II, при котором, как известно, многие представители знатных родов были либо казнены, либо сосланы в ссылку. Поэтому о социально-политических взглядах Акрополита можно судить по его отношению к императорам и по тем характеристикам, которые он им дает.

О Феодоре I Ласкаре он отзывался положительно, как об опытном полководце (I, 16.12—14), смелом и храбром в бою, щедром на дары (I, 32.2—5). Он признает, что Феодор выправил покачнувшееся судно ромеев (II, 14.22—25) и «положил начало восстановлению ромейской империи» (I, 32.6—8).

Но из всех никейских императоров, за исключением Михаила Палеолога, наибольших похвал у него заслуживает Иоанн III Ватац. Это становится понятным, если учесть, что хотя феодальная знать, опиравшаяся в начале его правления на братьев Феодора I, была разбита сначала в открытом сражении, а затем потерпела поражение и в подготовлявшемся заговоре, однако Ватац не осмелился жестоко расправиться с участниками заговора и в дальнейшем старался не особенно вступать в конфликт с ними²¹, о чем неоднократно говорит Акрополит в «Надгробном слове» (II, 21.28—30; 22.12—15; 22.26—34). Поэтому понятно восторженное отношение к Иоанну III Акрополита, который, безусловно, принадлежал к оппозиционному крылу знати. Несомненно, здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что Акрополит был обязан Ватацу своим служебным и об-

¹⁸ *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologis libri XIII/Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1835, v. I* (далее в тексте: Пах., I), p. 282.18—283.7. Его учеником был и Г. Пахимер. См.: Cambridge Medieval History. Cambridge, 1966, vol. 4, p. 275.

¹⁹ О взглядах и роли Акрополита на соборе см.: Richter G. Op. cit., S. 294—299.

²⁰ Guillard K. Essai sur Nicephore Gregoras. P., 1926, p. 223.

²¹ Многие из тех, кого Феодор II впоследствии подверг различным наказаниям, при Ватаце занимали высокие посты и пользовались уважением. Так, бывший при Ватаце великий домоestik Феодор Филис был ослеплен Феодором (I, 163.18—20), как и Константин Стратигопул (Пах., I, 64.19—65.4).

щественным положением. Он даже был приведен в замешательство, по его словам, многими и великими добротами повелителя, бездной доблестей и бесчисленным количеством наград за мужество (II, 23.5—7), которые, чтобы описать, мало было бы и десяти языков (II, 24.33—34).

Акрополит сравнивает Иоанна III с мировым столпом, который после его смерти покачнулся и упал (II, 12.7), твердыней ромеев (II, 12.4), центром круга авсонийцев (II, 12.9—10), славным солнцем (II, 12.13—14), с высоким деревом, которое осеняло все во Вселенной (II, 12.24—25), а его дела, которые не были запятнаны кровью, с деяниями императора Тита (II, 23.16—28). Ватац подражал Иосифу, кормильцу Египта, не ради алчных доходов, говорит Акрополит, ибо он сам делал бесчисленные подарки (II, 23.32—24.2) и отказался от больших ежегодных податей (II, 24.30—31)²². Если Ной один спасся в ковчеге и тем прославился, то Ватац спас всю землю ромеев, как огромный ковчег из пучины потопа (II, 24.6—10). Конечно, сравнения императора с мировым столпом, солнцем или с деревом были традиционны и часто встречались в византийской литературе. Более конкретно и непосредственно связано с никейской действительностью указание на снижение налогов, расселение и крещение половцев, которые, как поясняет Акрополит, прежде бывшие волками, теперь стали овцами Христа (II, 24.20—24).

Много и подробно пишет Акрополит о «блистательных военных способностях императора, его опытности в битвах с врагами» (I, 45.5—6; 47.20—23; 48.8—11; 78.2—14; 104.10—18); если бы и десять таких стран было под его властью, он сумел бы держать их в своих руках, царствовать и охранять от врагов (I, 45.11—14). Имя его приводило в страх и трепет врагов (II, 12.2—3). От него бежит страшный италиец, его боится воинственный перс, его страшится кровожадный житель Пэонии, Мизии и Далмации (II, 13.13—17).

Милосердием и состраданием, замечает Акрополит, Иоанн равнялся кропотку Давиду и даже превосходил его. Ибо ни один человек не погиб даже из-за большой вины перед императором (II, 21.28—30. 22.12—15, 26—34). С большой похвалой Акрополит отзывается о его уме, увлечении науками (I, 49.20—21; 56.7; II, 13.13; 21.21—22).

С уважением пишет Акрополит и об императрице Ирине, первой жене Ватаца, женщине мужественной (I, 38.4—5), доброй по природе (I, 52.14—15), «умной, достойной власти и обнаружившей величие истинно царское» (I, 62.19—21).

В правление Феодора II Ласкаря положение феодальной аристократии ухудшилось²³, хотя вначале она, по-видимому, возлагала надежды, что ее жизнь не изменится по сравнению с царствованием Ватаца. В этом смысле характерны те места «Надгробной речи», где Акрополит с уважением говорит о Феодоре II, который по мудрости является богоподобным (II, 28.12). Он снова сравнивает Феодора со всемирным столпом, башней, в которой все спасаются, деревом и солнцем. Но это солнце уже будет не только согревать земли ромеев лучами света, но и озарять лучами знаний (II, 28.15—29.8).

В «Хронике», которая писалась позднее, уже в царствование Михаила Палеолога, мы не встречаем ни одной хвалебной характеристики Феодора II, кроме замечания о его учености (I, 112.19—21). Недоброжелательность Акрополита к своему царственному ученику очевидна. Молчание — тоже показатель отношения. И здесь, вероятно, полезно привести характеристику Феодора II, данную Пахимером, который, хотя и признавал, что по благоразумию в слове и деле, по твердости мыслей Феодор II уступал отцу, однако отличался не только образованностью и любовью к наукам, но и великодушием, щедростью, воинскими способностями, быстротой

²² *Constantelos D. Emperor John Vatatzes. Social Concern: Basis for Canonization.*—*Κληρονομία* 1972, 4, p. 92—104.

²³ *Пак.*, I, 37.11—16; ср.: *Papadopoulos J. Théodore II Lascaris, empereur de Nicée.* P., 1908, p. 117—119.

слова и дела (Пах., I, 36.6—18). Пахимер не умалчивает и о таких отрицательных качествах Феодора II, как гнев и горячность (Пах., I, 23.16—17).

Поскольку Феодор II не оправдал надежд Акрополита и знати, то она обратила свои взоры на Михаила Палеолога, которому Акрополит непермерно раздает похвалы, скрывает все неприглядные моменты его жизни и способы получения императорского титула (I, 159.7—12)²⁴, прославляет его заботливость и внимательность (I, 161.14—15), которые, как указывает Пахимер, были просто задабриванием знати (Пах., I, 104.7—10; 105.1—8). Родственник Михаила VIII, крупный землевладелец (I, 151.20—22), открыто перешедший в лагерь недовольной военно-феодалной знати, Акрополит становится ее идеологом и в правление Палеолога делает его верным помощником. Поэтому последняя страница «Хроники» — это откровенное признание законности императорской власти Михаила VIII.

Но независимо от политической ориентации Акрополита, несмотря на его риторические сравнения никейских императоров с библейскими и знаменитыми историческими персонажами, для историка император — прежде всего человек, принимающий на себя заботы о подданных, разделяющий вместе с ними многие конкретные тяготы и труды. Это «заземление» образа императора, традиционно рассматриваемого в Византии в качестве земного бога, выражается у Георгия Акрополита не только в живом и реалистическом описании внешнего облика и характера императора²⁵, но прежде всего в рассказе о его делах. Император-труженик, соединяющий в одном лице воина, полководца, дипломата и философа, — вот черты, которые, по мысли историка, должны быть присущи человеколюбивому и заботливому правителю и которые, по его мнению, нашли свое воплощение в никейских императорах.

Как видим, на первое место Акрополит ставит мужество и воинские способности императора. И это не случайно. Немного можно насчитать лет в истории Никейской империи, когда бы она не вела войны с латинянами или сельджуками, болгарами или греками Эпира и т. д. Поэтому владение мечом, личное участие в сражении — долг и обязанность императора. И «Хроника» Акрополита донесла до нас многие примеры личного участия и мужества никейских правителей. Феодор I Ласкарь в личном единоборстве с султаном Кей-Хюсревом I (1205—1211) побеждает последнего и тем решает исход битвы и при Антиохии в 1211 г.²⁶ Победу над латинянами в решающей битве при Пиманиноне (1224 г.) принесла атака в критический момент сражения небольшого отряда во главе с Иоанном III Ватацем (I, 35.2—7). Михаил Палеолог, имея в распоряжении всего 50 человек, принимает сражение и побеждает войско эпирских греков, превосходящее его отряд в десять раз (I, 147.20—148.5).

Император-воин не только участвует в битве. Он вместе с воинами стойко переносит длинные переходы и марш-броски, спеша на помощь осажденной крепости (I, 16.2—6, 10—15), ночами, освещая дорогу факелами, пробирается через лес и ущелья (I, 122.5—15), спит на земле и терпит неудобства от разъедающего глаза дыма костров (I, 122.15—22). Он ведет военные действия не только весной, летом или осенью, но и зимой (I, 36.4—6; 89.6—91—5; 119.25—120.16; II, 17.23—25). Зимние кампании, редкие в прошлые столетия, становились все более частыми в Никейской империи.

Перечисляя достоинства как императоров и знатных лиц, так и простых воинов, Акрополит всегда начинает с указания на личное мужество (I, 32.2; 45.5; 104.10; 137.18—19 и др.). Интересно, что мужественность

²⁴ См.: *Geanakplos J.* The Nicene Revolution of 1258 and the usurpation of Michel VIII Palaeologos.— *Traditio*, 1953, IX, p. 420—430; *Wirth P.* Die Begründung der Kaiser-macht Michaels VIII Palailogos.— *JÖBG*, 1961, 10, S. 85—91.

²⁵ Феодор I Ласкарь «был небольшого роста, несколько смуглый, имел длинную бороду, книзу раздвоенную, и глаза, несколько отличавшиеся один от другого... склонен был к гневу и любовным наслаждениям» (I, 31.22—32.3).

²⁶ Подробнее см.: *Жаворонков П. И.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг.— *ВВ*, 1976, 37, с. 48—50.

стоит на первом месте даже при характеристике императрицы Ирины, жены Ватаца (38.4—5).

Акрополит высоко ценит мужество и воинскую доблесть как личное качество человека, даже если они свойственны не ромею. Так, армянин Николай Корец заслужил в битвах такую славу, «что все говорили, что не было и не будет такого человека» (I, 51.22—26). Никифор Тарханиот при защите Цирульской крепости противопоставил численности врагов мужество (I, 56.2—5). Зато нерадивость в военном деле (этим отличался командующий флотом Иофре — I, 59.12—14), неспособность руководить обороной (I, 145.26—146.2) и особенно бегство с поля боя вызывает у историка гнев и злую насмешку (I, 114.10—12).

Но император не только воин. Прежде всего он полководец и должен обладать соответствующими способностями. Поэтому Акрополита так восхищает полководческий и дипломатический талант Иоанна III Ватаца (I, 48.9, 56.8; 78.2—8; 75.1—10; 104.10—18), который где силой оружия, а где, по выражению Акрополита, «тихо и мирно» (договоры, брачные союзы, хитрость, подкуп и т. д. — I, 48.15—19; 65.6—27) овладел обширными территориями (I, 78.9—14).

В наиболее систематизированном виде взгляд Акрополита на императора как война и полководца выражен в «Надгробном слове». По его мнению, императорская власть дается не для роскоши и не как повод к обогащению или побуждение к лени, но как основа для больших сражений и для разумных трудов и битв (II, 28.1—6).

Однако, по мысли Акрополита, императору недостаточно быть только воином и полководцем. Он должен быть мудрым и сведущим в науках. Поэтому в характеристиках никейских императоров (за исключением Феодора I) историк после указания на их воинские способности всегда говорит об их уме и образованности (I, 62.19; 136.28; II, 13.13; 21.21—22). Следовательно, идеалом правителя для Акрополита является император — воин и философ. Этими качествами, по его мнению, был наделен Феодор II (II, 28.1—6)²⁷.

Правда, отношение Акрополита в «Хронике» к своему царственному ученику довольно сдержанное, а высказывания о его образованности кратки (I, 119.19—21; 128.5—6), но в «Надгробном слове», произнесенном незадолго до вступления Феодора II на престол, историк прямо указывает, что Феодор II сделался императором не из-за искусства верховой езды и стрельбы из лука, а благодаря своим речам, своей философии и наукам (II, 27.25—32; 28.12).

Следует отметить, что воинские способности и образованность императора, которые Акрополит считал основными качествами правителя, не являются основополагающими для его учителя — Никифора Влеммида. В своем риторическом труде «Царская статуя»²⁸, написанном в самом начале правления Феодора II и для него предназначенном, Влеммид советует императору быть прежде всего смиренным, кротким, целомудренным, щедрым и правдивым, избегать гордости, гнева и скупости. Правитель обязан прислушиваться к советам мудрых людей, быть осторожным в выборе советников и друзей, заботиться о войске и флоте²⁹. Как видим, Влеммид на первый план выдвигает социально-этические добродетели. Различие в подходе к определению основных качеств императора заключалось, на наш взгляд, в том, что пожелания и определения, во-первых, исходили от лиц, занимавших различное общественное положение в государстве (Акрополит — историк и государственный деятель, а Никифор Влеммид — ученый монах и философ), а во-вторых, в том, что если первый отталкивался от исторической ситуации, то второй писал как бы вне времени.

²⁷ Valdenberg V. Op. cit., p. 94.

²⁸ De regis officiis. — PG, t. 142, col. 658—677.

²⁹ Ibid., col. 662—672. Подробнее см.: Барвинок В. И. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 236—283; Он же. Об обязанностях государей по воззрениям Никифора Влеммида. Киев, 1911.

Акрополит, разумеется, не отрицал необходимости наличия у императора перечисленных Влеммидом качеств, и сам приводит примеры щедрости (I, 103.21—23; ср.: Пах., I, 36.11—13; 37.1—11), человеколюбия и милосердия никейских императоров (I, 37.18—20; 103.19—20; II, 21.27—30; 22.12—15, 26—34). Но эти черты для него не являются определяющими. А смирение, целомудрие, верность друзьям и супружеская верность скорее должны быть присущими подданным, чем правителям. Так, увлечение императора Ватаца маркизой из свиты его второй жены Анны, — побочной дочери императора Фридриха II Гогенштауфена. — не вызывает у него осуждения (I, 103.23—104.10), хотя Никифор Влеммид открыто порицал за это императора³⁰. В то же время Акрополит осуждает невоздержанность в любви Димитрия Фессалоникийского, противопоставляя ему смирение и благочестие его брата Иоанна (I, 70.20—71.8). Находит у него сочувствие и смиренное поведение жены Иоанна Дуки Евдокии, которая после смерти мужа, будучи еще очень молодой, «предпочла переносить свое вдовство, возлюбила добродетель и то, как бы угодить богу» (I, 101.14—17), за что и была вознаграждена им.

Придавая большое значение образованности императора, сам Георгий Акрополит являлся, одним из образованнейших людей своего времени. Он хорошо знал античную литературу, философию и, разумеется, Священное писание. В его произведениях часто встречаются античные образы и сравнения. Асень II любил свою жену Ирину, как Антоний Клеопатру (I, 61.13—14); Михаил Палеолог говорит, что взял бы в руки раскаленное железо, если бы они были сделаны Фидием и Праксителем (I, 96.15—18). Большая часть образов и выражений взята из Гомера. Блуждание братьев Феодора I Ласкаря — Мануила и Михаила — по странам сравнивается с плаваньем Одиссея (I, 109.22—23); Феодор II подобен и более славен, чем Агамемнон (II, 28.5—7); слово утешения Акрополит сравнивает с напитком, который Елена получила от некоей египетской женщины (II, 25.18—23). Для того чтобы оплакать умершего императора Иоанна III, ему требуется язык Гомера и речь Геродота (II, 13.26—27). Сельджукский султан имел сердце робкого оленя (II, 13.26—27) — намек на стих «Илиады», где Ахилл так называет Агамемнона³¹. Акрополит неоднократно использует примеры из Священного писания. Иоанна Ватаца он сравнивает с Иосифом, Ноем, Моисеем и Давидом (II, 23.32—24.2; 24.6—7; 24.24; 24.27), а Византийскую империю после 1204 г. — с теребинтом, с которого упали листья (II, 14.21—22), и просит, чтобы ему дали море слез, подобно Иеремии, чтобы оплакать несчастье (II, 13.2—23).

Акрополит был хорошо знаком с научными достижениями античности и своего времени. Но это знание было знанием образованного средневекового человека. Поясним на примере астрономии. Правильно излагая причины солнечных и лунных затмений, он верит в предзнаменования и чудеса. Затмение солнца в 1241 г., по его мнению, предвещало смерть императрицы Ирины (I, 64.1—3), а комета, явившаяся за шесть месяцев до этого, — смерть Асеня II (I, 64.3—6)³².

Как нам представляется, отношение Акрополита к образованности человека можно рассматривать в качестве одного из важнейших аспектов его социально-политических взглядов. Для него образование и ум были мерилем полезности и ценности человека. Образованный человек вызывает у него уважение (I, 83.19—20), и напротив, бездарный и глупый — злую иронию, которая адресуется в основном новым лицам, выдвинувшимся из низов в царствование Иоанна III и Феодора II, а также духовенству. Если в отношении незнатных, но способных и получивших образование при дворе братьев Музалонов Акрополит сдержан (I, 124.4—8), то об архонте Константине из Неокастра он отзывался как о человеке, умеющем только кричать (I, 123.9). Назначенный императором начальником кре-

³⁰ *Nicéphori Blemmidæ epistula encyclica de Marchesina...* — PG, t. 142, col. 605—610.

³¹ Подробнее см.: *Prachter K.* Op. cit., S. 480—490.

³² См.: *Златарски Н.* История на българската държава. София, 1940, т. 3, с. 413.

пости Прилеп, Ксилей полностью оправдывал свое имя (т. е. дерево, чурбан — I, 139.7—10).

С такой же иронией говорит Акрополит и об образованности большинства никейских патриархов. Только о Михаиле IV Авториане и Германе II³³ он отзывается, как об образованных и знающих свое дело людях (I, 11, 15—18; 71.22—23). Однако патриарх Мануил I Сарантин, хотя и учился у Михаила Пселла³⁴, настоящим философом не стал (I, 71.25—26), а Мануил II вообще был необразован (I, 101.1). Патриарх Арсений Авториан, отличавшийся природным даром слова, знаком, однако, был только с грамматикой (I, 107.6—8), так как учился немного, «чтобы не казаться совершенным невеждой» (I, 177, различение, по рук. Vatic. Gr. 166)³⁵. А Максим стал патриархом не благодаря знаниям и благочестивой жизни, а единственно из-за угождения женщинам (I, 32.18—22).

В отношении Акрополита к образованности нетрудно обнаружить социальную окраску. Ведь его насмешке подвергаются либо люди незначительного происхождения, либо монахи: из пяти вышеупомянутых патриархов трое происходили из простых монахов — Максим, Мефодий, Арсений.

Пренебрежительное отношение аристократа Акрополита к простому народу особенно отчетливо проявляется в его крайне редких высказываниях на эту тему. Так, о Константине Маргарите, способности которого заметил Феодор II и быстро продвинул по служебной лестнице, он пишет, как «о мужике и происходящем из мужиков, который был вскормлен на ячменном хлебе пополам с мякиной» (I, 123.7—9). Подданные, по его мнению, всегда склонны к мятежам и восстаниям (I, 6.4—5), вожди которых должны сурово караться. Полного его одобрения заслуживает расправа императора Феодора II с восставшим против ромеев болгаринном Драготой — комендантом крепости Меленик (I, 115.1—4; 117.10—13).

Хотя мы нигде не найдем у Акрополита прямых указаний на его отношение к различным слоям византийского общества, проанализированные некоторые его взгляды позволяют думать, что наибольшее уважение у него вызывает старая, родовитая военно-земледельческая знать. Не случайно он хвалит императора Ватаца, который не стал сурово наказывать выступившую против него в 1225 г. родовитую знать (II, 22.13—14): Кондостефанов, Торников, Раулей, Тарханиотов, Палеологов, Филов и Стратигулов³⁶. А с другой стороны, смещение с должностей, конфискация имущества, телесное наказание представителей этих фамилий Феодором II вызывают у Акрополита глухое недовольство (I, 154.24—155.10). Замечено у него и отрицательное отношение к монашеству и простому народу.

Мысли Акрополита, касающиеся состояния государства, не отличаются новизной, хотя и продиктованы высшими политическими соображениями. По его мнению, идеальное положение в государстве наступит тогда, когда повсюду среди народов установится мир (II, 27.2—4), когда один не будет грабить другого и обижать ближнего, когда справедливость не будет связана с золотом и император будет неподкупен в решениях, когда сборщики налогов не будут обирать земледельца, а закон опустошать дома бедняков, когда власть над областями окажется не у наглых и глухых, а у справедливых и человеческих (II, 27.5—20). Но все это может быть только в том случае, если государство является сильным.

Поэтому Акрополит, мечтая о сильной и могущественной империи, стремится описывать события во всех греческих государствах (I, 26.10—11; 57.18—20). Такой империей ему, конечно, мыслится только Никей-

³³ *Lagorates S. N.* Γερμανός ὁ Β', πατριάρχος Κωνσταντινουπόλεως — Νικαίας (1222—1240). Βίος, συγγράμματα καὶ διδασκαλία αὐτοῦ. Ἐν Τρίπολει, 1914, с. 140—146.

³⁴ *Васильевский В. Г.* Epirotica saeculi XIII: Из переписки Иоанна Навпактского. — ВВ, 1896, III, р. 265. 10—12.

³⁵ Ср.: *Richter G.* Op. cit., S. 278.

³⁶ См. о них: *Ферьянчиц Б.* Севастократы в Византии. — ЗРВИ, 1968, 11, с. 173 и др.; *Loenertz J.* Le chancelier impérial à Byzance au XIII et au XIV siècle. — ОСР, 1960, 26, р. 297—298; *Laurent V.* La généalogie des premiers Paleologues. — Byz., 1933, 8, р. 147—148; *Χατζή 'Α. Χ.* Οι 'Ραούλ, 'Ράλ, 'Ράλα (1080—1800). Kirrhain, 1908, σελ. 13—15.

ская империя, самодержец который «получил в руки справедливый жребий и удел, а не отнял похищенное, что часто случается со многими другими» (II, 15.13—16). Вот почему Акрополит с таким оттенком пренебрежения говорит о Феодоре Комнине, императоре Фессалоник, который тоже «слыл за царя» (I, 35.20—21) и завел у себя порядки не царские, а варварские, так как не был знаком с внутренним устройством императорского двора (I, 34.8—12).

Роль судьбы в жизни человека — проблема, которая волновала не одного историка и писателя XII в. — у Акрополита трактуется довольно определенно: почти все в жизни предопределено и зависит от бога. Историк верит, что освобождение Цирульской крепости связано с божьим заступничеством (I, 56.2). Освобождение Константинополя от латинян свершилось по устройению промысла божьего (I, 181.9—10, 183.18—19), а латиняне, пытавшиеся захватить остров Дафнусий, ничего не смогли сделать, так как его защищал бог (I, 183.2—3). Суд над Михаилом Палеологом — это испытание, которое всевышний послал ему, прежде чем возвести на престол (I, 99.19—100.1). Нарушение христианской клятвы ведет к несчастьям. Так, пишет Акрополит, случилось с Асенем II, когда он в 1235 г. отошел от союза с Иоанном III и перешел на сторону латинян, за что бог отнял у него жену и сына (I, 57.1—5).

Георгий Акрополит много пишет о варварах: латинянах, болгарях, половцах, сельджуках. Если в общем он остается на традиционных позициях превосходства ромеев перед любым другим народом, то в частности в отношении некоторых качеств он отдает должное их обладателям. Латиняне гораздо свободнее говорят о своих государях (I, 99.4—5) и храбро дерутся до последнего (I, 16.7—20). Император Генрих, «человек мужественный и склонный к битвам», хотя и был франк, относился внимательно к грекам и простому народу (I, 28.12—16), а Асень II «между варварами был человек превосходный не только для своих, но и для чужих...» (I, 64.7—8).

Но, за исключением этих немногих положительных характеристик, все остальные выдержаны в отрицательных и презрительных тонах. Латиняне уважали его отца, но он хотел уйти из Константинополя (I, 46.15—22), чтобы не быть вместе с неверными, брак с которыми — «нечестивое дело» (I, 31.4—5). Болгары, пастухи и свинопасы (I, 114.12—14), люди трусливые и не способные к осаде крепостей (I, 113.15—18), всегда враждебны ромеям (I, 109.4—5), вероломны и не знают чувства благодарности (I, 145.16—20). Они постоянно объединяются с половцами, «дикарями и пришельцами» (I, 55.4—5) со звериным характером (I, 24.3—4). Но Акрополит вынужден признать, что власть Никейской империи над частью Болгарии является игом для болгар и последние законно его свергают (I, 108.2—4).

Таким образом, мировоззрение Георгия Акрополита в социально-политическом плане было мировоззрением части оппозиционной родовитой военно-феодальной знати, недовольной политикой никейских императоров, и особенно Феодора II Ласкаря. Акрополиту как одному из образованнейших ее представителей с большим умением и знанием дела удалось воспользоваться честолюбивыми намерениями Михаила VIII Палеолога и стать выразителем ее взглядов. Отношение к другим народам и этнические воззрения Акрополита, за редким исключением, не выходили за рамки общепринятого образа мыслей ученого византийца XIII в.